

Памяти о. Павла Алексѣевича Кулакова, священника
Утецкой Христорождественской церкви Устюжскаго уѣзда.

22 Юня въ 12³/₄ дня въ с. Кичменгскій городокъ тихо скончался молодой, еще недавно исполненный силъ и энергіи, священникъ Утецкой Христорождественской церкви Устюжскаго уѣзда о. Павелъ Алексѣевичъ Кулаковъ, оставивъ послѣ себя молодую супругу и малолѣтнаго сына.

Безъ сомнѣнія всѣхъ, кто только зналъ покойнаго, эта вѣсть поразить и опечалить. Всегда жизнерадостный, веселый и здоровый, онъ, казалось бы, долженъ былъ жить еще долго. Но Богъ судилъ иначе.

Простудившись во время Крещенскаго водоосвященія, о. Павелъ не обратилъ на это серьезнаго вниманія и, очевидно, не совсѣмъ еще оправившись отъ болѣзни, попрежнему продолжалъ ревностно трудиться по приходу и школѣ.

Великій постъ съ продолжительными службами, исповѣдниками и усиленнымъ воздержаніемъ окончательно надломилъ его силы, но о. Павелъ, почти никогда не болѣвшій раньше, не смотря на замѣчанія близкихъ, продолжалъ считать себя здоровымъ. Между тѣмъ болѣзнь шла впередъ гигантскими шагами. Послѣ Пасхи наступилъ окончательный упадокъ силъ, уже по неволѣ заставившій обратить на себя вниманіе.

О. Павелъ ѣдетъ въ Устюгъ, тщательно выполняетъ здѣсь всѣ предписанія врачей, уступая ихъ совѣту беретъ мѣсячный

отпускъ и отправляется съ семьей къ своимъ родителямъ въ с. Кичменгскій Городокъ, гдѣ климатическія условія болѣе благоприятны, чѣмъ на мѣстѣ его служенія — но все это оказывается уже поздно. Болѣзнь сдѣлала такіе успѣхи, что на почвѣ малокровія превратилась въ горловую чахотку. Но о. Павелъ, подкрѣпляя себя на ряду съ лекарствами разными духовными средствами, все продолжаетъ надѣяться, даже за нѣсколько дней до смерти собирався въ Москву, — пока наконецъ 22-го іюля Богъ не переселилъ его въ совершенно иной міръ, гдѣ нѣтъ мѣста болѣзни.

Погребеніе о. Павла совершенно на родинѣ въ с. Кичменгскій Городокъ. Останки его положены при вновь выстроенной кладбищенской церкви вдали отъ любящаго прихода, откуда не переставали приходиться трогательныя справки: «скоро-ли вернется къ намъ о. Павелъ».

Даже и оправившись теперь отъ перваго впечатлѣнія этой тяжелой утраты, просматривая такъ рано закончившуюся жизнь покойнаго, никакъ не можешь заглушить въ себѣ чувства острой и щемящей боли.

Родившись (3 іюня 1880 г.) и получивъ первоначальное воспитаніе въ доброй, любвеобильной семьѣ, онъ всюду несъ какое-то хорошее тепло. Онъ грѣлъ имъ окружающихъ и въ Никольскомъ училищѣ и въ семинаріи. Какая то особенная душевная благожелательность, услужливость по отношенію ко всѣмъ и каждому, жизнерадостность и полнѣйшее незлобіе дѣлали изъ него человѣка положительно незамѣнимаго въ обществѣ. Онъ, какъ какой-то бальзамъ, какъ какая-то свѣтлая точка, на которой могъ отдохнуть всякій, былъ примиряющимъ и смягчающимъ началомъ и ни въ училищѣ ни въ семинаріи положительно не имѣлъ ни одного врага. Даже больше, онъ никого ничѣмъ не оскорбилъ и не обидѣлъ. Съ нимъ всякъ, даже самый суровый и озлобленный человѣкъ, невольно обращался мягче, какъ бы любя.

Всѣми любимый, всегда ровный, спокойный и сдержанный, онъ безъ лишнихъ словъ тихо и добросовѣстно готовился къ будущему служенію людямъ, только изрѣдка въ минуты откровенности дѣлясь своими мечтами въ очень ограниченномъ кругу болѣе близкихъ людей. И въ это время въ его мечтахъ дѣятельность пастыря стояла на первомъ планѣ.

Всѣ думали, что также тихо, безъ особеннаго ущерба для

себя и здоровья онъ будетъ проводить и въ жизни свою программу. Но на дѣлѣ оказалось нѣсколько иначе.

Кончивъ въ 1902 году Вологодскую духовную семинарію, Павелъ Алексѣевичъ поступилъ въ помощники инспектора Благовѣщенской семинаріи и училища. Жизнь такимъ образомъ оказалась для покойнаго щедрой, сразу же подаривъ ему положеніе завидное по крайней мѣрѣ съ внѣшней своей стороны для большинства его товарищей.—Высокія душевныя качества, рѣдкая благожелательность и добросовѣстность въ исполненіи долга помогли ему и здѣсь заслужить расположеніе, какъ учащихся, такъ и учащихся. Многіе на его мѣстѣ удовлетворились бы вполне добытыми результатами и пользовались бы спокойно выпавшими на ихъ долю матеріальными благами. Но для П. А-а одного внѣшняго успѣха и одобренія начальства было мало, для него важенъ былъ свой судъ, а судъ этотъ былъ строгій.

Дѣло въ томъ, что семинарское начальство, принимая во вниманіе молодость П. А., официально поручило ему только наблюденіе за учениками училища, но на дѣлѣ при нераздѣльности училища и семинаріи ему поручалась постоянно послѣдняя. Отъ семинаристовъ не могло, конечно, укрыться нѣсколько щекотливое положеніе новаго помощника и они въ извѣстной степени стали имъ пользоваться. Семинарское начальство ничего не замѣчало, а слишкомъ тонкая деликатность П. А-а мѣшала ему обратить вниманіе ректора и инспектора на свое положеніе самому. Онъ оставилъ это мѣсто, которое и самъ считалъ завиднымъ.

Послѣдовавшая затѣмъ попытка поступленія въ Академію была эпизодомъ случайнымъ, а служба псаломщикомъ въ Устюжскомъ Проконіевскомъ соборѣ слишкомъ непродолжительной (все это заняло времени около полугода), чтобы внести въ его жизнь что-либо дѣйствительно новое.

Въ январѣ 1904 года П. А. опредѣляетъ себя, наконецъ, на служеніе, къ которому давно уже стремился его умъ и сердце, и получаетъ назначеніе въ священники къ Уцецкой Христорожд. церкви.—Съ богатымъ внутреннимъ содержаніемъ и горячимъ воодушевленіемъ вступаетъ о. Павелъ на новое поприще, столь сродное его чистому духу. Его глубокая религіозность, рѣдкая искренность и чистота намѣреній въ связи съ необычайной добротой сердца не прошли незамѣченными со стороны хотя и грубыхъ, но простыхъ и добрыхъ поселянъ, и о. Павелъ скоро сдѣлался любимцемъ прихода.

Слишкомъ краткое время служенія (2¹/₂ года) не дало возможности о. П. приложить на дѣлѣ всѣ свои таланты на высокому, такъ подходящему къ его духу посту пастыря. О. Павелъ рѣзко выдѣлялся уже тѣмъ однимъ, что сильно болѣлъ о невѣжествѣ народномъ, о его общей и религіозной темпотѣ, сильно беспокоилъ его и спеціально россійскій грѣхъ—пьянство народное. Рядъ мѣръ всегда роился въ его мозгу. У меня нѣтъ теперь подробныхъ свѣдѣній о судьбѣ его начинаній. Но я имѣю основаніе предполагать, что они заслуживаютъ полнаго вниманія и надѣюсь въ недалекомъ будущемъ сообщить о судьбѣ ихъ болѣе подробно. Можетъ быть даже, что встрѣтившіяся здѣсь виѣ его воли пренятствія оказались солидными. Но самъ о. Павелъ нисколько не подался. Онъ все время горѣлъ самымъ чистымъ огнемъ и до конца оставался такимъ же, какъ и всегда, любвеобильнымъ.

Теперь его здѣсь съ нами нѣтъ. Онъ, вездѣ сѣявшій любовь и вызывавшій ее, ушелъ на лоно Того, Кто самъ—Любовь.— Но свѣтлый образъ его, несомнѣнно, будетъ жить еще долго, лаская и смягчая всѣхъ, кому приходилось съ нимъ жить или сталкиваться.

Да будетъ же тебѣ миръ въ селеніяхъ праведныхъ, кроткая душа, и да исполнится на тебѣ глаголъ Божій — блаженни кротцыи яко тии наслѣдять землю.

И. А.